

Шкловский В. Искусство как прием // О теории прозы. – 1925. – М. : Круг. – URL: <http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> (дата обращения 20.05.2020).

Taragara J. S. Reception of F. Iskander's Creativity: to Children from an Adult Writer (on the example of a story «Chick On the Hunt»)

In this article the features of the author's addressing in the F. Iskander's narratives «Chick's Childhood» (on the example of the story «Chick On the Hunt») are considered. Analysis of various levels of text allows us to speak about double addressing in the story. The author of the article comes to the conclusion that due to the «double view» of the world, the peculiarities of the plot organization and humor, Iskander manages to address the text to the recipient of any age.

Keywords: F. Iskander's «Chick's childhood», addressing, aesthetic experience, horizon of expectation, a reader.

И. А. Баландина

(научн. руководитель Т. А. Снизирева)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Формулы самоидентификации И. Бродского vs филологические рецензии

Аннотация: статья посвящена анализу формул самоидентификации И. Бродского и их филологическим рецензиям. На материале прозы, интервью с поэтом, а также мемуаров о Бродском и его литературных биографий проанализированы личностная самооценка и восприятие Бродского современниками, а также творческое поведение поэта и его оценка современниками. На основе проведенного исследования выявлены ключевые формулы самоидентификации И. Бродского и особенности мифа о его личности, творчестве и творческом поведении.

Ключевые слова: И. Бродский, формулы самоидентификации, мемуары, биография, творческое поведение, интервью.

Иосиф Бродский по праву считается последним классическим поэтом русской литературы, его личность и творчество представляет для исследователей особый интерес: его приватная переписка по завещанию закрыты для исследователей, и источником сведений становятся биографии, интервью с поэтом и о поэте и воспоминания о нем. При этом, высказывания Бродского о себе часто противоположны впечатлениям его современников. Формулы самоидентификации, создающие «миф поэта», и рецензии его образа, составляющие «миф о поэте», требуют подробного рассмотрения и сопоставления для понимания феномена «автомифа» Бродского.

«Я всегда старался, возможно самонадеянно, определить себя жестче, чем то допускают понятия «национальность» и «раса». Говоря иначе, из меня плохой еврей. Надеюсь, что и плохой русский. Вряд ли я хороший американец. Самое большее, что я могу о себе сказать: я есть я, я – писатель» [Бродский 2000: 164] – вот ключевое высказывание, характеризующее поэта. Национальность, вероисповедание, биография – все это слишком однопланово, чтобы адекватно понять творца.

Характерно различие восприятия личности поэта и его творческого наследия в разных воспоминаниях. Так, В. Соловьев, знакомый с Бродским, монографию Л. Лосева «Опыт литературной биографии» в самом начале своей книги откровенно называет апологетичной, и, фактически, мифотворческой. Соловьев обвиняет Лосева в необъективности и сакрализации образа поэта: «Любое слово Бродского принимается на веру <...> Зато любая критика Бродского отмечается сходу, а критики подвергаются личной дискредитации и шельмованию» [Соловьев 2015: URL]. Несмотря на общую резкость тона, Соловьев правильно указывает особенность моделирования Бродским своего облика: поэт стремился показать себя таким, каким хотел выглядеть, благодаря чему появляются многочисленные его недомолвки, иронические замечания о собственной биографии и откровенное лукавство, которое можно заметить при сличении его высказываний на одну тему в разных интервью и воспоминаниях. Именно стремление поэта создать определенный образ для окружающих и разность восприятия его личности биографами и создает конфликт «мифа Бродского» и «мифа о Бродском» и стимулирует интерес к формулам его самоидентификации. Ими становятся высказывания автора, реализующие его самоопределение. «Я – плохой еврей» – явный пример подобного явления.

Лев Лосев так говорил о понимании жизни поэта, впоследствии сам написавший литературную биографию Бродского: «... мы часто принимаем за биографию Бродского тот миф, который он сам

лелеял, и тот миф, который ему, по словам Ахматовой, сделали...» [Полухина 2006: 62]. Высказывания Бродского о себе часто бывают прямо противоположны тому, что о нем вспоминают люди, его знавшие. При этом, расхождения в самоидентификации и внешним восприятием личности Бродского не свидетельствуют о ложности или ошибочности того или иного мнения. Игорь Ефимов настаивает на этом в одном из интервью о поэте: «Бродский не любил вранья, не любил сам врать. <...> На вранье у него ни времени не было, ни интереса» [Полухина 2006: 86]. Следовательно, подобные нестыковки – показатель особенности самовосприятия поэта и его желания представить окружающим комфортную ему картину своей личности.

Чтобы выделить особенности «мифа поэта» и «мифа о поэте», стоит подробно рассмотреть биографический и творческий аспекты его самоидентификации.

К примеру, разговоры о национальном самоопределении и религии в интервью с Бродским часто несколько скептически. В его высказываниях можно отметить холодность по отношению к еврею и иудаизму. Поэт вспоминает, что национальность его вынуждала осознать система – в его детстве и юности в СССР были сильны антиеврейские движения: «Страх не было, нет. Но и воодушевления не было. <...> Я их (родителей) жалел... <...> Я просто думал о мороке» [Волков 2000: 31]. При этом, к иудеям, как и к христианам, Бродский себя не относил, его больше интересовала библейская философия: «Наверное, я христианин, но не в том смысле, что я католик или православный. Я христианин, потому что я не варвар. <...> Мне нравится Ветхий Завет, ему я отдаю предпочтение, поскольку книга эта по своему духу более возвышенна и... менее всепрощающа» [Бродский 2000: 37]. Михаил Хейфец подчеркивает: «Мне кажется, церковное для него было вовсе посторонним, как и советское...» [Полухина 2006: 53].

Частотной темой в интервью и переломным моментом в биографии поэта является суд 1964 года. Интересно то, что сам Бродский называет данное событие совершенно незначительным. «Я никогда к этому процессу всерьез не относился, ни во время его протекания, ни в последствии» [Волков 2000: 63], – заявляет он, подчеркивая, что не воспринимает суд «ни как трагедию, ни как конфронтацию с властью». Единственное, что упоминает поэт – сильный дискомфорт от известности этого дела. Я. Гордин вспоминает об одном из заседаний по делу Бродского: «<...> я успел разглядеть смущенную, извиняющуюся полуулыбку Иосифа, словно ему было неловко, что столько людей обеспокоены его судьбой» [Гордин 1989: URL].

Бродский и его современники единомысленны в ощущении особой импульсивности и «высокой скорости жизни», которые присущи поэту. Неоднократны упоминания о избирательном и критичном отношении к людям. Свою жизненную позицию Бродский характеризует как постоянное бегство от постоянства: «Когда я в какой-либо ситуации начинал чувствовать предсказуемость, то всегда от нее уходил» [Волков 2000: 89]. С, знавшие поэта, акцентируют внимание на силе его духа и удивительном для столь чувствительного и физически не самого крепкого человека стоицизме. Лев Лосев на вопрос о том, что удивляло его в зрелом Бродском, отвечает так: «Храбрость. Он был смертельно болен, не тешил себя никакими иллюзиями и продолжал делать свое дело буквально до самого конца» [Полухина 2006: 63]. Часто упоминается сложный характер поэта и его избирательность в общении с людьми: «Если я с кем-то там дел не имею, то исключительно потому, что меня от этого человека просто мутит» [Волков 2000: 331].

Престижную Нобелевскую премию поэт не рассматривал как высшее достижение в жизни, популярность, принесенная ее присуждением, ему была неприятна. Бродский, по его собственным словам, был вовсе не рад. «Могу сказать, что сильного восторга или радости я не испытывал...» [Волков 2000: 217]. Современники подтверждали отсутствие энтузиазма поэта в связи с присуждением премии, поэта тревожило возросшее количество хаоса в его жизни: «Выглядел он совершенно несчастным. <...> Когда мы вышли на улицу, он по-русски крепко обнял меня и произнес замечательную фразу. Он сказал: “Итак, начинается год трепотни”» – вспоминает Джон ле Карре, ставший свидетелем первой вести о присуждении Бродскому «нобеля».

Неотъемлемой частью биографии поэта является его жизнь в эмиграции. К США Бродский относится довольно критично, он сравнивает жизнь в Америке с Европой и Ленинградом. Опыт преподавания поэта в университетах и его воспоминания об этом имеют двойственную природу. С одной стороны, Бродский высказывался об американских студентах достаточно жестко: «У вас столько выдающихся людей в университетах и в то же время невероятно высок процент бездарей» [Бродский 2000: 44]. С другой, подобное впечатление у него могло сложиться из-за его собственной манеры преподавания, вводившей студентов в некоторое недоумение: «Бродский был в одно и то же время худшим и самым живым и увлекательным из всех моих учителей. <...>. Отчасти это происходило от его неопытности – прежде учить ему не приходилось, – отчасти потому, что его английский тогда

еще оставлял желать лучшего», – так о лекциях поэта отзывается литературный критик Свен Биркетс, его студент. Несмотря на недовольство американским образом жизни, поэт умело приспособился к обществу, его окружавшему, что, если и помогало ему самому чувствовать себя комфортнее в чужой стране, вызывало у соотечественников подозрения, провоцировало агрессию и давало повод обвинить Бродского в предательстве. Виктор Кривулин выделяет раздражавшую его особенность поведения Бродского в американском социуме: «В общении с американцами <...> Бродский как бы отграничивает себя от русской культуры. <...> Это поза, двусмысленная, странная поза» [Полухина 1997: 171].

Эмиграция, ссылка, как называл ее сам Бродский, разлука с семьей – часть жизни, которая оценивается как самая трагичная. До самого конца поэт ощущал себя изгнанником, родиной для него оставался Ленинград. Тоска по оставшимся в Советском Союзе родным и самому городу многократно проявляется в его поэтических и прозаических произведениях. «Я тут человек временный...» [Бродский 2000: 44], – говорил он о своей жизни в Штатах. Эссе «Полторы комнаты» посвящено воспоминаниям о родителях, с которыми поэт так и не увиделся после отъезда: «Полагаю, что, живи я вместе с родителями последние двенадцать лет их жизни, будь я рядом с ними, когда они умирали, контраст между ночью и днем, между улицей в русском городе и американским сельским шоссе был бы для меня не таким резким; напор памяти уступил бы утопической надежде. <...> Я утилизирую чувство вины» [Бродский 2001: 338].

В автобиографических высказываниях Бродского не так много недосказанности или расхождений с современниками, подобные мотивы чаще связаны с нежеланием поэта говорить на определенную тему, а не с попыткой представить «миф» о себе, потому что мифологизация его образа в биографическом аспекте сведена к минимуму.

Значительно больше несовпадений «мифа поэта» и «мифа о поэте» можно найти в оценках его творческого поведения. К примеру, напускное безразличие Бродского к судьбе своих стихотворений многократно опровергается в воспоминаниях его современников. «Мне совершенно безразлично, что происходит с моими стихами после того, как они написаны» [Волков 2000: 314], – заявляет поэт, однако, авторы подчеркивают его повышенное внимание по отношению к печатным изданиям своих произведений, сложность работы с переводчиками и перфекционизм. Так об опыте перевода стихотворений Бродского вспоминает Д. Уолкотт: «Иосиф начал вздыхать со злостью и раздражением. <...> ... правда заключается в том, что со всеми своими переводчиками Иосиф внушительную часть работы проделывает сам, даже в области ритма, даже в рифмах» [Полухина 1997: 304]. Поведение Бродского можно рассматривать как попытку самовнушения – ошибочные интерпретации произведений, «неправильные» публикации, переводы и издания неизбежны, и убеждение себя в безразличии к своим творениям в первую очередь помогают относиться к подобному с меньшим раздражением и огорчением. Об этом очень правильно, но уже в контексте лирики Бродского, высказывается Лосев: «Почему Бродский бесстрастный поэт? Потому что в тексте встречаются слова «все равно», «наплевать», «это ничего не значит», «не важно, кто» и прочее и прочее? Наоборот, это является сигналом весьма бурной внутренней эмоциональной жизни» [Полухина 1997: 132].

Частые заявления поэта о нелюбви к чтению стихов выглядят неискренними и немножко лукавыми – его друзья и «коллеги по цеху» не раз подчеркивают, с каким энтузиазмом, как виртуозно Бродский читал свои стихи на публику, и как в молодости обижался, когда ему не позволяли выступить. Так о его выступлениях отзывался Я. Гордин: «Чтение Бродским своих стихов было жизнью в стихе» [Гордин 1989: URL].

В своих воспоминаниях авторы часто подчеркивают особое отношение Бродского к языку. Обоожествление, идолизация им языка нашла отклик у многих поэтов, его знавших, отрицать его восторженное отношение к языку и речи не представляется возможным, а мотив ускоряющей поэзии встречается в его произведениях повсеместно. Стоит так же отметить мнение Бродского об английском и русском языках, его сепаратизм с точки зрения способности писать на каждом. Если русский язык «ускоряет», то писание стихов на английском поэт рассматривает скорее как игру и способ доказать себе свою способность это делать: «Когда приходится писать на иностранном языке, это подстегивает. <...> Большого развлечения, чем писать на иностранном языке, я не знаю» [Волков 2000: 170]. Несмотря на подобное отношение, его переводы собственных стихов можно рассматривать как самостоятельные произведения.

Свою роль в историко-культурном процессе Бродский преуменьшает, отзываясь о себе довольно скромно: «Я ничего не раздвигаю. Я свои собственные стишки сочиняю, исключительно» [Волков 2000: 197]. При этом, его современники подчеркивают универсальность его творчества и в значимости влияния на русский язык и культуру сопоставляют с Пушкиным. В то время, когда поэт сам «со-

чиняет свои собственные стишки», поэты и критики, его знавшие, отзываются о нем, как о поэте, значительно расширившем границы русской культуры.

Приведенная в начале цитата Бродского «Я – писатель» является ключевой для изучения особенностей его самоидентификации: поэт стремится создать определенное восприятие личности через призму творческого наследия, а не биографии.

Литература

Абашева М. П. Литература в поисках лица (Русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). – Пермь : Изд-во Пермского университета, 2001. 320 с.

Бродский И. Собрание сочинений в четырех томах. – СПб. : Пушкинский фонд, 1992–1995.

Бродский И. Полторы комнаты. Приводится по: Сочинения Иосифа Бродского. Том V. – СПб. : Пушкинский фонд, 2001. 376 с.

Бродский И. Большая книга интервью [Текст] / Бродский И. ; сост. и фот. В. Полухиной. – М. : Захаров, 2000. 702 с. : ил.

Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским / Вступительная статья Я. Гордина. – М. : Издательство Независимая Газета, 2000. 328 с., ил.

Гордин Я. Дело Бродского / «Нева» №2, 1989. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/gor/din/gordin_ya/delo/2.htm

Полухина В. «Бродский глазами современников». Сб-к интервью. – СПб. : «Журнал “Звезда”», 1997. 336 с.

Полухина В. Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). – СПб. : «Журнал “Звезда”», 2006. 544 с.

Соловьёв В. Быть Иосифом Бродским. Апофеоз одиночества / В. Соловьёв, Е. Клепикова. – М. : Рипол Классик, 2015. 720 с. – URL: <https://www.twirpx.org/file/1851538/>

Balandina I.A. J. Brodsky self-identifying formulas vs philological receptions.

This article is devoted to J. Brodsky self-identifying formulas analysis and their philological receptions. Basing on material of poet's prose, interviews, and also memoir and Brodsky's biographies author analyzed personal self-conception VS his contemporaries perception and poet's creative behavior VS his contemporaries estimation. On the base of this research revealed Brodsky's main self-identifying formulas and features of his image through the eyes of his contemporaries.

Keywords: Brodsky, self-identifying formulas, memoir, biography, creative behavior, interview.

В. В. Пискунова

(научн. руководитель Н. В. Налегач)

*Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия*

Женские образы в романе «Хромая судьба» братьев Стругацких

Аннотация: в работе рассмотрена система женских персонажей в книге Аркадия и Бориса Стругацких «Хромая судьба», центральное положение в которой занимает Диана. Этимология имени восходит к древнеримской богине охоты и луны – Диане, соединившей в себе функции и атрибуты трех древнегреческих богинь (Артемиды, Гекаты, Селены). Причина, по которой героиня связана со всеми локациями и героями внутреннего романа «Гадкие лебеди», объясняется комплексом лунной символики, его значением и функционированием. Данный феномен, имея античные истоки, получил новое развитие в раскрытии женских образов романа в целом, среди которых присутствует Рита, через семантику имени представляющая собой скрытую сторону луны, и подтверждающая присутствие аллюзий на героиню-тезку из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Ключевые слова: Стругацкие, Диана, луна, символ, образ, богиня.

Многие поэты, писатели, художники обращались к античности и реалиям древнего мира, а также использовали это как основу или в качестве вспомогательных элементов в своих произведениях. Так, например, главная героиня внутреннего романа «Хромая судьба» (или самостоятельного романа «Гадкие лебеди») носит имя древнеримской богини охоты и луны – Диана. Это красивая, энергичная женщина, не лишенная воинственности и азарта (*«а с фланга появилась Диана, Диана Беше-*